

Д.В. Иванов

Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык

Одним из основных вопросов, на которые должна ответить эпистемология, является вопрос о том, возможно ли достоверное знание о мире. Необходимость ответить на этот вопрос обусловлена существованием скептической позиции, согласно которой у нас не может быть такого знания. Особым вариантом скептицизма является скептицизм относительно возможности достоверного знания содержания сознания других людей. Одним из аргументов в поддержку такой скептической позиции является аргумент инвертированного спектра (*the inverted spectrum argument*)¹. Данный аргумент основывается на следующей гипотезе. Находясь в одинаковой ситуации, воспринимающая один и тот же цвет и являясь при этом поведенческими и функциональными двойниками, два человека могут, тем не менее, обладать разным содержанием сознания. Однако аргумент инвертированного спектра может быть опровергнут. В предлагаемой статье, отталкиваясь от исследования коммуникативных аспектов вос-

¹ Подробнее о понятии инвертированного спектра см.: Shoemaker S. The Inverted Spectrum // *The Nature of Consciousness* / N.Block, O.Flanagan, G.Guzldere (eds.). Cambridge (Mass.), 1997. P. 648; Johnsen B.C. The Inverted Spectrum // *Australasian Journal of Philosophy*. 1986. 64 (December). P. 471–476; Lycan W. Inverted Spectrum // *Ratio*. 1973. 15. P. 315–319; Волков Д.Б. Аргумент Инвертированный спектр // Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д.Деннет и его теория сознания. М., 2011. С. 180–194; Иванов Д.В. Функционализм и инверсия спектра // *Эпистемология и философия науки*. 2011. № 3. С. 82–98.

приятия цветов, анализируя то, каким образом в нашем языке функционируют ментальные термины, прежде всего термины, обозначающие цветовое восприятие, я демонстрирую, почему данный аргумент является неверным.

Картезианское представление о сознании как сфере внутренних, приватных, непосредственно данных состояний, знание о которых не подвержено сомнению и исключает возможность корректировки и исправления, является источником не только скептицизма относительно возможности познания внешнего мира. Подобное представление о сознании лежит в основе еще одной классической формы скептицизма – скептицизма относительно возможности познания содержания чужого сознания.

Этот скептицизм связан с простой идеей, к которой может прийти любой человек, а не только философ: вполне возможно, что окружающие нас люди воспринимают мир по-другому. Как мы можем быть уверены в том, что наш приятель так же видит мир, как и мы? Мы ведь не знакомы непосредственным образом с содержанием его сознания, нам доступно только лишь его поведение и различные физические состояния. Опираясь на эти косвенные данные, мы пытаемся по аналогии заключить, что если в сходных ситуациях мы ведем себя с товарищем одинаково, то он должен таким же образом воспринимать мир, как и мы. Однако подобное знание не обладает той несомненностью, которой, как предполагается, обладает знание наших собственных психических состояний. Подобный вывод по аналогии является ненадежным проводником к достоверному знанию, он всегда оставляет возможность того, что мы ошибаемся. Вполне представима ситуация, когда мы, я и мой приятель, глядя на голубое небо, восклицаем: «Какое небо голубое!». Однако при этом каждый из нас видит это небо по-своему. Можно даже представить, что цветовой спектр моего приятеля систематически инвертирован относительно моего спектра. Например, он воспринимает цвет неба так же, как я вижу цвет лимона, а цвет лимона представляется ему таким же образом, каким мне представляется цвет неба.

В философии гипотеза инвертированного спектра впервые была сформулирована Джоном Локком. В «Опытах о человеческом разумении» в главе «Об идеях истинных и ложных» он пишет следующее:

«Впрочем, идея голубого, имеющаяся у одного человека, может отличаться от этой идеи у другого. В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; например, если бы идея, вызванная фиалкой в уме одного человека при помощи его глаз, была тождественна с идеей, вызванной в уме другого ноготками, и наоборот. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого, чтобы воспринять, какие представления вызываются с помощью органов последнего; и потому не перепутались бы ни идеи, ни имена и ни в тех, ни в других не было бы никакой ложности. В самом деле, если все вещи, имеющие строение фиалки, будут постоянно вызывать в ком-нибудь идею, которую он назовет “голубое”, а все вещи, имеющие строение ноготков, будут постоянно вызывать идею, которую он также постоянно будет называть “желтое”, то, каковы бы ни были эти представления в его уме, он будет в состоянии так же правильно различать по ним вещи для своих надобностей и понимать и обозначать эти различия, отмеченные именами “голубое” и “желтое”, как если бы эти представления или идеи в его уме, полученные от этих двух цветков, были совершенно тождественны с идеями в умах других людей. Тем не менее я весьма склонен думать, что чувственные идеи, вызываемые каким-нибудь предметом в умах различных людей, всего чаще бывают очень близки и неразличимо сходны. Мне думается, в пользу этого мнения можно представить много доводов. Но так как это выходит за пределы моей настоящей задачи, то я не буду беспокоить ими читателя и только обращаю его внимание на то, что противоположное предположение (если бы его можно было доказать) мало полезно как для совершенствования нашего познания, так и для жизненных удобств. Нам нет поэтому нужды беспокоить себя его исследованием»².

Тот вид скептицизма, который стоит за этой гипотезой, нуждается в обсуждении, прежде всего, в связи с проблемой других сознаний (*other minds problem*)³, которую он порождает. Дубровский Д.И. следующим образом формулирует один из ключевых вопросов этой проблемы:

² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 444.

³ Подробнее о проблеме других сознаний см.: Hyslop A. *Other Minds* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E.N.Zalta (ed.). 2009; Avramides A. *Other Minds*. L., 2001; *Wisdom J. Other Minds*. Oxford, 1968; *Остин Дж.* Чужое сознание // *Философия, логика, язык*. М., 1987; *Дубровский Д.И.* Проблема «другого сознания» // *Проблема сознания в философии и науке*. М., 2009.

«Как возможно и как достигается познание (понимание) содержательно определенных состояний СР (*субъективной реальности – Д.И.*) другого существа, прежде всего человека (хотя это должно быть отнесено и к животным)?»⁴.

В общем виде суть проблемы других сознаний можно передать с помощью вопроса: возможно ли достоверное знание содержания других сознаний?

Если ситуация, представленная в гипотезе инвертированного спектра, может быть помыслена, то это позволяет нам сформулировать аргумент против функционализма – наиболее популярной на данный момент теории сознания, претендующей не только на решение проблемы сознания, но и на решение проблемы других сознаний. В этом аргументе нам предлагается представить ситуацию, когда два человека, тождественных друг другу с точки зрения наилучшего функционального описания их психических процессов, имеют различный качественный сознательный опыт при восприятии одних и тех же объектов. Иначе говоря, мы должны представить, что квалиа – качественные феноменальные свойства сознательного опыта – одного человека систематическим образом инвертированы относительно квалиа другого человека. Поскольку подобную инверсию трудно сделать наглядной, проще рассматривать инверсию квалиа на примере инверсии цветовых квалиа. Например, мы можем представить, что цветовые квалиа одного человека, назовем его Инвертом, инвертированы относительно цветовых квалиа другого человека, скажем, Нормы. Предположим, что Норма является примером человека с нормальным восприятием цветового спектра. Поскольку функционально Норма и Инверт идентичны, то когда оба восхищаются цветом неба, оба восклицают: «Какое сегодня голубое небо!». Однако при этом качественный опыт Инверта такой же, какой у Нормы, когда она воспринимает лимон.

Если ситуация, представленная сценарием инвертированного спектра, возможна, то функционализм ложен (очевидно, в этом случае также ложен бихевиоризм и любая когнитивистская теория, опирающаяся на предпосылки, лежащие в основе функционализма). Поскольку с точки зрения наилучшего функционального описания сравниваемые субъекты идентичны в своих психических

⁴ Дубровский Д.И. Указ. соч. С. 155.

состояниях, однако качественный опыт субъектов различается, постольку это значит, что функционализм не способен учесть это различие и упускает в своих объяснениях качественные аспекты опыта. Иначе говоря, он не является лучшей теорией, претендующей на объяснение природы ментальных состояний, и не может рассматриваться в качестве решения проблемы других сознаний.

В строгом виде аргумент инвертированного спектра можно представить следующим образом.

- (1) Ситуация инверсии спектра мыслима.
- (2) Если ситуация инверсии спектра мыслима, то она возможна.
- (3) Следовательно, инверсия спектра возможна.
- (4) Если инверсия спектра возможна, то функционализм ложен.
- (5) Следовательно, функционализм ложен.

Данный аргумент является разновидностью картезианских аргументов от мыслимости. Для того чтобы сохранить возможность решить проблему других сознаний с функционалистских, когнитивистских позиций, нам необходимо продемонстрировать неправомочность подобного вывода.

Оспаривая правомочность подобного вывода, многие философы атакуют третью посылку. Действительно, мы способны показать, что эмпирически такая ситуация невозможна. Если бы цветовое пространство было действительно симметричным, то ситуация инверсии спектра была возможна. Однако допущение симметрии цветового пространства возможно, если мы рассматриваем только цвета и их оттенки. Если же ввести еще два параметра, связанные с восприятием цвета, а именно насыщенность и яркость, то цветовое пространство станет ассиметричным, как это можно видеть на модели цветового пространства Манселла. Соответственно, инверсия цветового спектра некоего субъекта проявит себя в изменении поведения этого субъекта. Например, поскольку голубой цвет является более темным цветом, чем желтый цвет, инверсия этих цветов могла бы быть заметна, скажем, в поведении субъекта, когда он сравнивал бы цвет неба и солнца. Он мог бы подобно его нормальному двойнику воскликнуть: «Какое небо голубое!». Однако если при этом он добавит, что небо выглядит ярче, чем солнце, то мы увидим, что его восприятие отличается от нашего восприятия. Иначе говоря, он не будет нашим бихевиоральным и функциональным двойником.

Демонстрация асимметрии цветового пространства позволяет показать, что ситуация инверсии спектра эмпирически, или номологически, невозможна. Невозможно, чтобы два субъекта были тождественны друг другу бихевиорально и функционально, но при этом по-разному воспринимали бы цвета. Однако, к сожалению, демонстрация номологической невозможности инверсии спектра не позволяет нам избежать всех трудностей, которые возникают в связи с проблемой других сознаний. Допустим, нам удастся эмпирически показать, что всякий раз, когда имеется определенное функциональное состояние, оно сопровождается соответствующим качественным опытом. Означает ли это, что качественные состояния с необходимостью являются функциональными состояниями? Иначе говоря, означает ли это, что с помощью эмпирических исследований нам удалось показать, что о каком бы существе ни шла речь, если это существо демонстрирует наличие определенных функциональных состояний, то оно обязательно должно обладать соответствующим качественным опытом? Очевидно, основываясь только на эмпирических аргументах, мы не можем исключить возможность инверсии спектра. Соответственно, если мы хотим показать, что качественные состояния тождественны функциональным состояниям, мы должны исключить не только номологическую возможность инвертированного спектра, но и любую другую возможность, прежде всего концептуальную, этой ситуации. Решению этой задачи служат аргументы, опирающиеся на анализ коммуникативных аспектов цветового восприятия. Те, кто хотел бы показать ложность функционализма, признавая номологическую невозможность инвертированного спектра, указывают на его потенциальную возможность, на то, что метафизически или по крайней мере концептуально такая ситуация возможна. Например, такой позиции придерживаются Блок и Шумейкер. Как пишет Шумейкер,

«...даже если наш цветовой опыт нельзя инвертировать, то кажется очевидно возможным существование таких существ, которые во всех отношениях подобны нам, но чей опыт имеет такую структуру, которая позволяет подобное отображение, – существ, чей цветовой опыт инвертируем. А простой возможности таких существ достаточно, чтобы поставить философские проблемы, которые, как предполагалось, ставит возможность инвертированного спектра»⁵.

⁵ Shoemaker S. The Inverted Spectrum. P. 648.

Иначе говоря, Шумейкер пытается показать, что если в принципе возможна такая ситуация, когда структурированный определенным образом качественный опыт какого-нибудь существа, не обязательно человека, не связан с его функциональной организацией, то из этого следует, что и в нашем случае связь качественных аспектов психики с ее функциональными составляющими является случайной, а не необходимой, т. е. сущность качественно-го опыта не заключается в его функциональной организации.

Несмотря на то, что факт номологической невозможности инвертированного спектра не демонстрирует, что такая ситуация в принципе не возможна, он позволяет нам переложить бремя доказательства подобной возможности на оппонентов. Для того чтобы доказать хотя бы концептуальную возможность этой ситуации, любителям квалиа необходимо прежде всего продемонстрировать, что эта ситуация может быть помыслена.

Я полагаю, что вполне возможно вообразить ситуацию, предложенную сценарием инвертированного спектра. В конце концов, помочь в этом может обращение к реальным примерам различия в восприятии субъектов, по-видимому, тождественных друг другу, по крайней мере относительно поведенческих реакций. Например, можно вспомнить какие-нибудь случаи, связанные с цветовой слепотой, скажем, случаи дальтонизма. Джон Дальтон, будучи дейтеранопатом, т. е. человеком, страдавшим таким дефицитом восприятия цвета, который не позволял ему различать красный и зеленый цвета, только в зрелом возрасте обнаружил свое отличие от людей с нормальным восприятием цвета. Это значит, что его поведение в обычной жизни не позволяло ему или кому-нибудь другому выявить это отличие в восприятии.

Однако вообразить некоторую ситуацию не значит ее помыслить, т. е. представить ее концептуально непротиворечиво. В качестве воображаемой ситуация инверсии спектра не представляет угрозу для функционализма. Если же мы способны именно помыслить ситуацию инвертированного спектра, то из этого действительно следует ее возможность, по крайней мере концептуальная возможность. Несомненно, именно факт мыслимости инвертированного спектра представляет опасность для функционализма, но задача продемонстрировать, что это мыслимо, может оказаться очень непростой для любителей квалиа. Более того, как отмечали

многие философы в XX в., анализ того, как функционируют в нашем языке термины цветов, позволяет показать, что такая ситуация немислима в принципе.

Факт немислимости ситуации инверсии спектра в XX в. впервые пытались продемонстрировать позитивисты. В их работах мы находим активное обсуждение этой гипотезы. К этой гипотезе позитивисты обращались, прежде всего, в контексте обсуждения верификационистской теории значения. С точки зрения позитивистов, высказывания, не поддающиеся проверке, являются бессмысленными. Поскольку любые утверждения о тождестве или различии ментальных состояний двух субъектов, которые мы пытаемся сделать, формулируя гипотезу инвертированного спектра, не могут быть верифицированы, то эти утверждения и вся гипотеза в целом должны быть признаны бессмысленными. Подобного рода рассуждения мы находим, например, у Морица Шлика:

«Я рассматриваю два кусочка зеленой бумаги и устанавливаю, что они имеют одинаковую окраску. Предложение, утверждающее одинаковость их окраски, верифицируется тем, что за равное время я дважды переживаю одинаковую окраску... Затем я показываю эти два кусочка бумаги другому наблюдателю и спрашиваю: видит ли он зеленое так же, как и я? *Тождественно* ли его восприятие цвета моему восприятию? Этот случай *принципиально* отличен от только что рассмотренного. В то время как в первом случае высказывание было верифицировано переживанием тождества, небольшое размышление показывает, что здесь верификация невозможна. Конечно, второй наблюдатель (если он не страдает цветовой слепотой) также называет бумагу *зеленой*, и если я эту зелень попробую описать ему более подробно, скажу, например: она более желтоватая, чем вот эти обои; более голубоватая, чем сукно на биллиардном столе; темнее, чем это растение, и т. д., то каждый раз он будет соглашаться с моими высказываниями. Однако даже если все его суждения о цвете согласуются с моими суждениями, то отсюда я еще никак не могу заключить, что он переживает “то же самое качество”. Может случиться так, что при рассмотрении зеленых кусочков бумаги он переживает ощущение цвета, которое я назвал бы “красным”; напротив, в тех случаях, когда я вижу красное, у него ощущение зеленого, которое он называет “красным” и т. д.... верифицируемый смысл утверждения, что разные индивиды испытывают одно и то же ощущение, состоит только в том, что все их высказывания (и, естественно, поведение в целом)

обнаруживают согласованность. Данное утверждение *означает* только это и ничего, кроме этого. ...Высказывание о том, что два ощущения, принадлежащие двум разным субъектам, не только занимают одно и то же место в их системах, но *сверх того* еще и качественно тождественны, не имеет для нас никакого смысла. Такое высказывание не ложно, оно просто лишено смысла: мы не знаем, что оно значит»⁶.

Важно отметить, что подобные идеи до Шлика уже высказывал Готлоб Фреге в работе «Мысль: логические исследования»:

«Мой спутник и я убеждены в том, что мы видим один и тот же луг; но у каждого из нас своё особое чувственное впечатление зеленого. Среди зеленых листьев земляники я вижу ягоду. Мой спутник ее не замечает; он – дальтоник. Цветовое ощущение, которое он получает от ягоды, практически не отличается от того, которое он получает от листьев. Видит ли мой спутник зеленый лист красным, видит ли он красную ягоду зеленой? Или он и то, и другое видит как один цвет, который вовсе мне не известен? Это вопросы, на которые нет ответа; это, собственно, бессмысленные вопросы. Когда слово “красный” не обозначает свойство вещей, а предназначено для характеристики чувственных впечатлений, принадлежащих моему сознанию, оно применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно»⁷.

Тот факт, что Фреге высказывал идеи, подобные идеям позитивистов, на мой взгляд, демонстрирует, что немислимость инвертированного спектра не зависит от верификационистской теории значения. Действительно, нам не обязательно придерживаться взгляда, что осмысленными являются только те высказывания, которые мы можем проверить, чтобы убедиться в том, что эта ситуация немислима.

Однако, отказываясь от верификационистской теории значения, мы должны признать, что в каком-то смысле, говоря о верификации, позитивисты были правы. Если мы хотим помыслить некую ситуацию, мы должны понимать, при каких условиях наши высказывания о наличии или отсутствии этой ситуации будут истинными. Таким образом, если ситуация инверсии спектра мыс-

⁶ Шлик М. Позитивизм и реализм // Erkenntnis («Познание»). Избранное. М., 2006. С. 294–295.

⁷ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. С. 35.

лима, то у нас должно иметься понимание того, когда мы будем правы, утверждая ее наличие, а когда – нет. Если некто утверждает, что два субъекта, идентичные друг другу в отношении своих поведенческих и функциональных реакций, тем не менее обладают разным качественным опытом, то у него должны быть основания, которые позволили бы убедить нас в том, что это действительно так и что мы не ошиблись в описании этой ситуации. Однако каким образом мы могли бы убедиться, что мы не ошибаемся? Для этого у нас должна была бы иметься возможность непосредственно сравнивать качественные состояния этих субъектов. Но у нас нет такого доступа к сознанию субъектов, который позволил бы сделать подобное сравнение. Различие же в физической организации субъектов не является показателем различия их качественного опыта. В отношении же своего поведения и функциональной организации субъекты неразличимы. Таким образом, у нас вообще нет возможности хоть как-то сравнить субъектов, чтобы судить о тождестве или различии их качественного опыта. Это значит, что, пытаясь утверждать наличие или отсутствие инверсии спектра, мы никогда не поймем, в каких случаях это правомерно делать, а в каких – нет. Иначе говоря, подобного рода высказывания об опыте других субъектов будут совершенно произвольны, и их бессмысленно использовать для того, чтобы представить некую ситуацию как реальную возможность.

Высказывания о наличии или отсутствии инверсии спектра неverifiedируемы. Однако это связано не с тем, что нашему наблюдению не доступна какая-то часть реальности, как это может показаться, а, скорее, с прагматикой языковых выражений, включающих в себя ментальные термины, например, наименования ощущений. Этот момент был хорошо продемонстрирован в «Философских исследованиях» Витгенштейна.

В этой работе, критикуя концепцию индивидуального языка и картезианское представление о сознании, Витгенштейн затрагивает гипотезу инвертированного спектра:

«Выходит, можно было бы предположить, хотя это и нельзя проверить, что одна часть человечества имеет одно ощущение красного, другая же часть – другое»⁸.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 178.

Подобно своим коллегам, он демонстрирует, что ментальные термины, например, «красный», «боль» и т. д., просто не функционируют таким образом, как это предполагается данной гипотезой. Позиция сторонников этой гипотезы предполагает, что ментальные термины отсылают к особым внутренним психическим состояниям, скажем, квалиа, с которыми может быть знаком только их носитель. Правильное или неправильное употребление этих понятий определяется всецело наличием или отсутствием этих состояний. Однако такое понимание ментальных терминов оставляет непрояснённым вопрос о критерии тождества употребления ментальных понятий.

С позиции картезианского представления о сознании и ментальных терминах мы должны были бы сказать, что у другого человека не может быть, например, моей боли, и то, что обозначается словом «боль», определяется тем, что я чувствую как боль. Можно сказать, что тождество употребления понятия «боль» определяется возможностью указывать на свою боль. Однако с такой позиции невозможно говорить о том, что два человека способны переживать одинаковую боль. И, тем не менее, как подчеркивает Витгенштейн, это не бессмысленно – утверждать, что другой человек может испытывать такую же боль, какую испытываю я:

«Поскольку высказывание о том, что у меня такая же боль, как у него имеет *смысл*, то и возможно, что мы оба испытываем одинаковую боль»⁹.

Очевидно, что такое функционирование ментальных терминов предполагает совершенно иные критерии тождества употребления ментальных понятий, которые не зависят от апелляции к внутренним психическим состояниям субъекта. Витгенштейн пишет по этому поводу:

«Я видел, как один из участников дискуссии по этому вопросу, ударяя себя в грудь, говорил: “Но ведь другой не может испытывать вот ЭТОЙ боли!” Ответ на это состоит в том, что критерий тождества определяется не путем выразительного акцентирования слова “этой”. Более того, этим акцентированием мы лишь затемняем то, что такой критерий нам известен, но о нем нужно напоминать»¹⁰.

⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 173.

¹⁰ Там же.

Пытаясь представить тождество употребления того или иного ментального понятия посредством только указания на собственные ментальные состояния, мы сталкиваемся с аргументом Витгенштейна против индивидуального языка. Предположим, что картезианское представление о функционировании языка является верным. В этом случае должен быть мыслим такой язык, в котором слова функционировали бы таким образом, что только человек, использующий этот язык, мог знать, что они означают. Ведь значением слов такого языка являются только внутренние переживания этого человека. Такой язык Витгенштейн называет индивидуальным языком. В этом языке критерием тождества употребления языкового выражения, например, наименования некоего ощущения, является то, что человек способен не только самостоятельно установить связь между некоторым ощущением и ментальным термином, но всякий раз, когда возникает это ощущение, правильно воспроизводить эту связь – продолжать именовать тем же термином то же самое ощущение. Однако что будет критерием того, что я всякий раз правильно воспроизвожу эту связь? В случае индивидуального языка таким критерием может быть только то, что я правильно вспоминаю установленную мной ранее связь. Однако, как отмечает Витгенштейн, это означает, что я не обладаю критериями правильности употребления языковых выражений:

«“Я закрепляю для себя связь” может означать только одно: этот процесс обеспечивает то, что впоследствии я правильно вспоминаю эту связь. Но ведь в данном случае я не располагаю никаким критерием правильности. Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о “правильности”»¹¹.

Если память является единственным критерием правильности употребления ментального термина, то это значит, что я всякий раз использую его произвольно и что его употребление может не зависеть от наличия или отсутствия того ощущения, с которым этот термин был изначально ассоциирован. Ведь память может меня постоянно подводить. Например, я могу переживать то же самое ощущение, но если память меня подводит, и я полагаю, что первоначально закрепил употребление нужного ментального тер-

¹¹ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 175.

мина за другим ощущением, то я буду не в состоянии правильно воспроизвести нужную связь и применить термин, который я сам первоначально связал с этим ощущением. Напротив, если я переживаю другое ощущение, отличное от первоначального, но память ошибочно подсказывает мне, что я закрепил свой термин именно за этим ощущением, то я ошибочно буду использовать термин, полагая при этом, что я правильно воспроизвожу связь. Важно, что в любом случае мне будет казаться, что я правильно употребляю термин. Но, в таком случае, как верно заметил Витгенштейн, о правильности говорить некорректно. Правильное употребление подразумевает возможность ошибки, неправильного употребления, и главное, оно предполагает, что я могу заметить эту ошибку. Полагая, что я правильно употребляю некоторое выражение, я могу столкнуться с каким-то фактом, который заставит меня изменить свое мнение, убедит меня, что я ошибался. Но для этого такой факт должен не зависеть от того, что я считаю правильным. Очевидно, что концепция индивидуального языка не предполагает существования такой независимой от меня инстанции, относительно которой я мог бы выверить собственное употребление языковых выражений. По сути, это означает, что индивидуальный язык вообще не является языком, т. е. правилосообразной деятельностью, которая предполагает возможность ошибочного употребления языковых выражений, а главное, возможность корректировки подобного употребления.

Если индивидуальный язык невозможен, то мы должны признать, что критерии тождества употребления ментальных терминов не могут заключаться в нашей способности отсылать к собственным ментальным феноменам. Более того, значениями ментальных терминов вообще не являются скрытые ментальные феномены, о которых только я могу знать, каковы они. Можно было бы даже предположить, что сторонники инвертированного спектра в каком-то смысле правы, что, например, каждый из нас, называя нечто «красным», испытывает какое-то уникальное, характерное только для него ощущение, а кто-то вообще лишен каких-либо ощущений. Однако если при этом мы одинаково используем слово «красное» и в нашем сообществе не возникает систематического недопонимания относительно того, что обозначается этим словом, то все это означает, что употребление данного слова не предполагает

обращения к скрытым внутренним фактам чьей-то психической жизни. Витгенштейн иллюстрирует эту мысль с помощью мысленного эксперимента «жук в коробке».

«Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем “жуком”. Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. – При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. – Ну, а если при всем том слово “жук” употреблялось бы этими людьми? – В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. – Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть “сокращена”, снята независимо от того, чем бы она ни оказалась»¹².

В определенном смысле качественные состояния, представленные сторонниками возможности инвертированных квалиа как особые приватные события внутренней жизни субъекта, о которых может знать только субъект этих состояний, оказываются исключены из контекстов, в которых мы способны обсуждать и сравнивать психические феномены. Как отмечает Витгенштейн:

«Они не нечто, но и не ничто! Вывод состоял бы лишь в том, что ничто выполняло бы такую же функцию, как и нечто, о котором ничего нельзя сказать»¹³.

Но, как отмечалось выше, если мы не можем сравнивать непосредственно качественный опыт двух субъектов, то это означает, что гипотеза инвертированного спектра немислима. Соответственно, неправомерным оказывается скептицизм относительно возможности знания содержания других сознаний.

¹² Витгенштейн Л. *Философские исследования*. С. 183.

¹³ Там же. С. 185.